

ЛИЦЕЙ НИУ ВШЭ

Вторая часть комплексного теста
Задания по ЛИТЕРАТУРЕ 2019 ДЕМО

Выполните первое или второе задание НА ВЫБОР (20 баллов).

Задание 1

Перед вами два стихотворения. Они написаны в разное время – между ними почти сто лет. Прочитайте их внимательно и выполните задания:

- Какое из стихотворений написано позже? Обоснуйте своё предположение, опираясь на тексты стихотворений, при необходимости цитируя их.
- Продумайте ряд параметров, по которым эти стихотворения можно сравнить (найти общее и отметить различия) для того, чтобы лучше понять их смысл. Запишите эти критерии.
- Сравните эти стихотворения и поясните, как можно полнее, чем они похожи и чем отличаются друг от друга (по форме и по смыслу).

<p>***</p> <p>В уходе есть свое величье. Когда, не подсчитав потерь, Выходят прямо в безграничье И не запахивают дверь. Перед морозом, перед снегом, Перед бесчинством непогод. И можно ли считать побегом Великой Осени уход? Уж ветер северо-восточный В листве копается, сварлив, Как архивариус дотошный, Долистывающий архив. А тот архив уже не нужен. Отказываться нам пора От стилистических жемчужин, От легких шалостей пера. Ступай вдоль серого залива, Мечи следы на пляж пустой, Беседуя неторопливо С землей, водой и высотой.</p>	<p>***</p> <p>Ещё вчера, на солнце млея, Последним лес дрожал листом, И озимь, пышно зеленея, Лежала бархатным ковром.</p> <p>Глядя надменно, как бывало, На жертвы холода и сна, Себе ни в чем не изменяла Непобедимая сосна.</p> <p>Сегодня вдруг исчезло лето; Бело, безжизненно кругом, Земля и небо — все одето Каким-то тусклым серебром.</p> <p>Поля без стад, леса унылы, Ни скудных листьев, ни травы. Не узнаю растущей силы В алмазных призраках листвы.</p> <p>Как будто в сизом клубе дыма Из царства злаков волей фей Перенеслись непостижимо Мы в царство горных хрусталей.</p>
---	--

Задание 2

1. Прочитайте рассказ Ю. Трифонова «Путешествие».

Представьте, что Вы случайно присутствовали при разговоре двух ребят перед уроком литературы по рассказу Юрия Трифонова «Путешествие». Вот этот диалог:

– Мне кажется, что герой – мечтатель и романтик, хочет убежать от серых будней в поисках новых ярких впечатлений.

– Не думаю. Мне кажется, что герой бежит от себя, от неприятных мыслей о себе, думая забиться в путешествии – но от себя не убежишь.

Подберите цитаты из рассказа (не менее 2), которыми участники разговора могли бы подтвердить свою точку зрения (отдельно для 1 и 2 участника).

2. Какое (-е) из высказываний, на Ваш взгляд, наиболее точно характеризует (-ют) состояние героя в начале рассказа:

А) Герой болен и боится смерти.

Б) Герою кажется, что он болен, на самом деле, его что-то тревожит.

В) Герой не знает и не может понять причины своего состояния.

Г) Герой вспоминает об одном дне своей жизни, когда он внезапно почувствовал себя плохо.

Аргументируйте выбор ответа (-ов) цитатой (цитатами) из текста.

3. Определите словарное и контекстуальное значение слов «необыкновенно», «интересно» во фрагменте:

«А если говорить о большой химии, сказал он, то нельзя не упомянуть о Навинском химическом комбинате, где досрочно введены в строй корпуса аммиака, синтеза и конверсии. Я сказал, что всё это для меня одинаково необыкновенно интересно. Но именно поэтому мне трудно сделать выбор. Я намекнул, что мне хотелось бы познакомиться с какими-нибудь конфликтами, страстями, производственными драмами, в которых скрывались бы судьбы людей и разные точки зрения на жизнь».

4. Выберите и проанализируйте одну деталь в тексте, которая наиболее полно, с Вашей точки зрения, подсвечивает основной смысл рассказа.

5. Как вы думаете, какой ключевой смысл рассказа раскрывает последнее предложение: «В зеркале мелькнуло на мгновение серое, чужое лицо: я подумал о том, как я мало себя знаю». Обоснуйте свой ответ.

6. Определите свою позицию относительно предложенных (см. вопрос 1). Либо согласитесь с одной из них, либо выскажите свою. Тот или иной свой выбор обоснуйте.

Юрий Трифонов Путешествие

Однажды в апреле я вдруг понял, что меня может спасти только одно: путешествие. Надо было уехать. Всё равно куда, всё равно как, самолетом, пароходом, на лошади, на самосвале – уехать немедленно. Почему мне стало так

худо – это другая история, рассказывать её долго и ни к чему. Просто вдруг на рассвете, когда меня томила бессонница и стеснение в груди, врачи объясняли это вегетативным неврозом, но я-то знал, что дело в чём-то другом, может быть в том, что где-то бродит гроза, что волны тёплого воздуха подошли уже к Подольску и движутся на Москву, – мне почудилось, что я задыхаюсь, что мой мозг обескровел, что если я не вырвусь завтра же из этой клетки из сухой штукатурки, обоев с абстрактным рисунком, лакированных книжных полок, переплёттов, творожников, жидкого чая, газет, разговоров, звонков, квитанций, болезней, обид, надежд, усталости, милых лиц, – я умру.

Трудно объяснить, что делается с человеком на рассвете, в апреле, когда открытая рама слегка раскачивается от ветра и скребёт по подоконнику сухой неотодранной бумажной полосой.

Пришёл день. Он был сер. Лишь немного погода оказалось, что он синь и безоблачен. Первый раз в этом году я вышел без шапки на улицу и отправился в редакцию одной газеты, чтобы взять командировку и немедленно уехать. Люди из этой газеты однажды предлагали мне командировку, но сейчас они не могли понять, чего я хочу. Заведующий промышленным отделом, маленький болезненный человечек в рубашке джерси, рассказывал о том, что в Соликамске и Кондопоге полным ходом разворачивается стройка громадных комбинатов по производству бумаги, а в Тюменской области открыты новые месторождения нефти. Ещё более интересные дела творятся в Иркутской области, где создаётся новый промышленный бассейн. А если говорить о большой химии, сказал он, то нельзя не упомянуть о Навинском химическом комбинате, где досрочно введены в строй корпуса аммиака, синтеза и конверсии.

Я сказал, что всё это для меня одинаково необыкновенно интересно. Но именно поэтому мне трудно сделать выбор. Я намекнул, что мне хотелось бы познакомиться с какими-нибудь конфликтами, страстями, производственными драмами, в которых скрывались бы судьбы людей и разные точки зрения на жизнь.

– Это вы найдёте где угодно, – быстро проговорил заведующий отделом. На его лице застыло странное двойное выражение: скорби и надменности одновременно. И, разговаривая со мной, он все время катал пальцами по столу заграничный шариковый карандаш.

Я поблагодарил его и вышел, сказав, что подумаю. Молодой человек, молча присутствовавший при нашем разговоре, вышел вместе со мной в коридор. Мы стали спускаться по лестнице.

– Вам нужны впечатления? – спросил молодой человек неожиданно.

– Ну конечно! – сказал я.

– В том-то и дело, что мне нужны впечатления, чёрт бы их побрал! Я остался совершенно без впечатлений. Это как-то глупо звучит, но это так.

Мне было немного стыдно: я как будто признавался в том, что оказался без денег, и просил в долг. Но молодой человек искренне хотел помочь, я это чувствовал.

– Если вам нужны впечатления, – сказал он, – тогда вовсе не обязательно ехать куда-то далеко, в Тюмень или в Иркутск. Поезжайте поблизости, в Курск, в Липецк, там не менее интересно, чем в Сибири, ей-богу.

– Вы так думаете? – спросил я, втайне обрадовавшись. Он высказал мои собственные мысли.

– Конечно, вы правы: дело не в километрах...

Когда я вышел на улицу, солнечный полдень был в разгаре. Перед входом в кинотеатр стояла толпа. Я прошёл через толпу, повернул налево, миновал памятник, возле которого всегда стояло несколько провинциалов в длинных пальто с фотоаппаратами в руках, и пошел вниз по широкой улице. Навстречу мне двигался густой и медленный, весенний поток людей. Я всматривался в лица, бесконечно возникавшие передо мной и исчезающие сзади, за спиной, исчезающие бесследно, для того чтобы никогда больше не появиться в моей жизни, и думал: зачем ехать в Курск или в Липецк, когда я как следует не знаю Подмосковья. Я никогда не был в Наро-Фоминске. Не знаю, что такое Мытищи. Да и в самой Москве есть улицы и районы совершенно мне неведомые.

Через полчаса я вышел из троллейбуса возле своего дома. На углу Второй Песчаной, где находится диетический «Гастроном», я остановился и поглядел кругом: я увидел сквер с нагими деревьями, сырые ветви которых искрились на солнце. На скамейках, расставленных кольцом вокруг фонтана, сидели, подставив солнцу лица, десятка четыре пенсионеров, стариков и старух. Они сидели тесно, по пятеро на скамейке. Я не знал никого из них. Солнце ласкало их старую, в мешках и складках кожу. Некоторые из стариков улыбались, лица других казались окаменевшими и тупыми, некоторые дремали.

Постояв немного, я направился к своему подъезду, сел в лифт и поехал на шестой этаж. Там, на шестом этаже, из квартиры напротив вышел Дашенькин, мой сосед. Он молча протянул мне свою руку, всегда немного дрожащую, и побежал вниз по лестнице. Он всегда торопился, ходил сутуля плечи, и в глазах его тлела какая-то безумная озабоченность. Он работал жестянщиком в трамвайном депо. Его соседка по коммунальной квартире считала его сумасшедшим и написала заявление в психдиспансер с требованием, чтобы его забрали. Несколько дней назад она пришла ко мне и попросила тоже написать заявление или хотя бы подтвердить, что Дашенькин изводит свою жену и дочку, ученицу третьего класса, нескончаемыми скандалами. Шум скандалов и даже драк доносился в мою квартиру часто, иногда соседка, ее муж и Дашенькин с криками выскакивали на лестничную площадку, что я и подтвердил. Потом спохватился: зачем я это сделал? Ведь человека могут действительно забрать в больницу. В тот же вечер я пошел к соседке и попросил вернуть заявление, мной подписанное, но она сказала, что уже отослала его. Она успокоила меня: Дашенькина не заберут, только попугают. По-видимому, заявление еще не начало действовать, ибо Дашенькин пожал мне руку с чувством, как доброму другу. Я слышал, как он, стуча тяжёлыми башмаками, бежал по ступеням вниз и где-то на четвёртом или на третьем этаже громко откашлялся и харкнул на лестницу. У него никогда не хватало терпения добежать до улицы.

Я открыл дверь своим ключом и вошел в квартиру. На кухне жарили навагу. Внизу, на пятом этаже, где жила какая-то громадная семья, человек десять, кто-то играл на рояле. В зеркале мелькнуло на мгновение серое, чужое лицо: я подумал о том, как я мало себя знаю.

1969